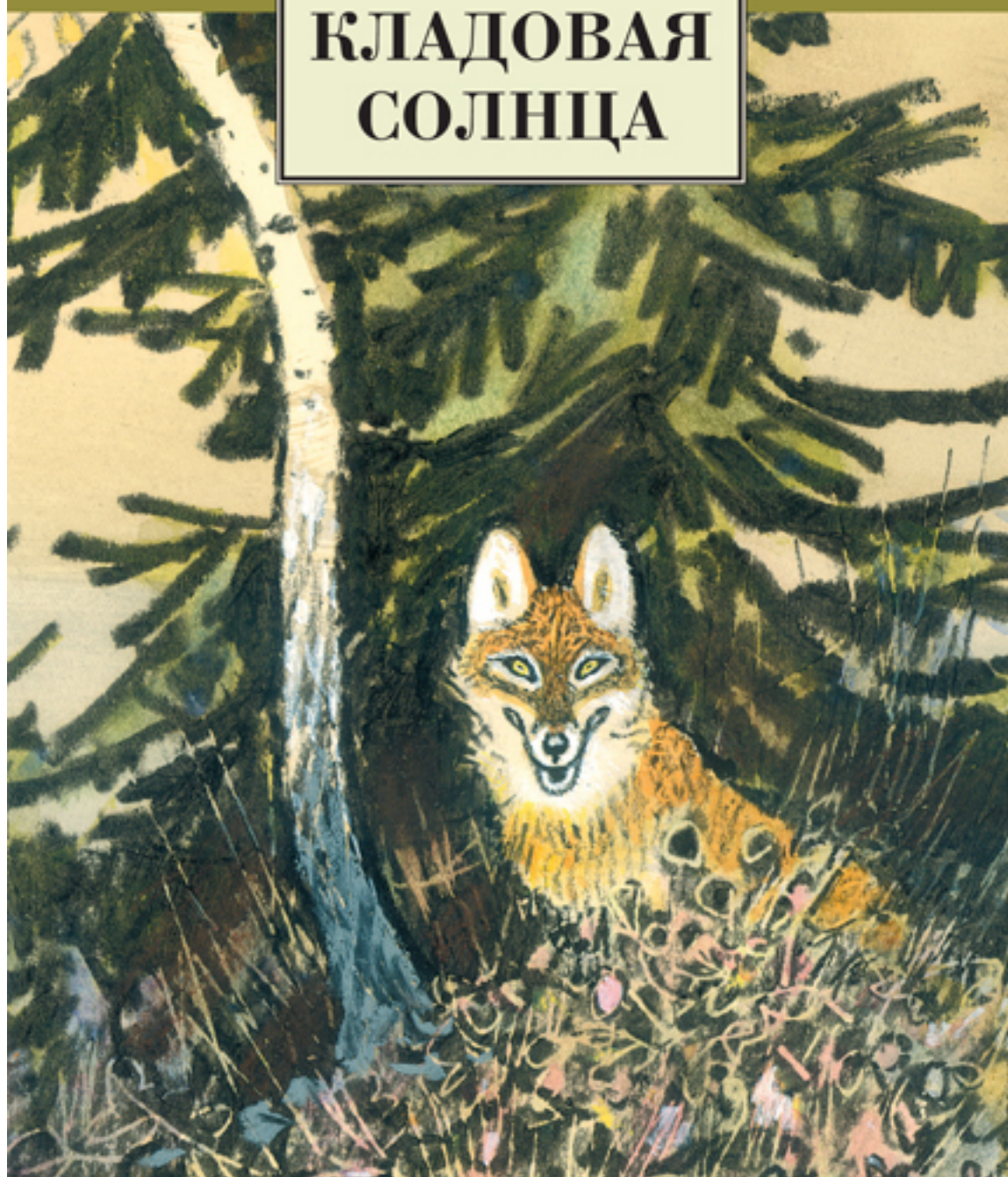

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

М. Пришвин
**КЛАДОВАЯ
СОЛНЦА**

Школьная библиотека (Детская литература)

Михаил Пришвин

Кладовая солнца (сборник)

Издательство «Детская литература»

Пришвин М. М.

Кладовая солнца (сборник) / М. М. Пришвин — Издательство «Детская литература», — (Школьная библиотека (Детская литература))

В книгу входят избранные рассказы и сказка-быль «Кладовая солнца» о неповторимой прелести и богатстве родной природы. Для среднего школьного возраста.

© Пришвин М. М.

© Издательство «Детская литература»

Содержание

О Михаиле Михайловиче Пришвине	7
Кладовая солнца	14
I	14
II	16
III	18
IV	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Михаил Пришвин

1873—1954

Михаил Михайлович Пришвин

Кладовая солнца. Сказка-быль и рассказы

© Круглеевский В. Н., Рязанова Л. А., 1928–1950

© Круглеевский В. Н., Рязанова Л. А., предисловие, 1963

© Рачёв И. Е., Рачёва Л. И., рисунки, 1948–1960

© Составление, оформление серии. Издательство «Детская литература», 2001

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая

размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

О Михаиле Михайловиче Пришвине

По улицам Москвы, еще влажным и блестящим от поливки, хорошо отдохнувшим за ночь от машин и пешеходов, в самый ранний час неторопливо проезжает маленький голубой «Москвич». За его рулем сидит старый шофер в очках, шляпа сдвинута на затылок, открывает высокий лоб и крутые завитки седых волос.

Глаза смотрят и весело, и сосредоточенно, и как-то по-двойному: и на тебя, прохожий, дорогой, еще незнакомый товарищ и друг, и внутрь себя, на то, чем занято внимание писателя.

Рядом, справа от шофера, сидит молодая, но тоже седая охотничья собака – серый длинношерстный сеттер Жалька и, подражая хозяину, внимательно смотрит перед собой в ветровое стекло.

Писатель Михаил Михайлович Пришвин был старейшим шофером Москвы. Он до восьмидесяти с лишним лет сам водил машину, сам ее осматривал и мыл и обращался в этом деле за помощью только в крайних случаях. Михаил Михайлович относился к своей машине почти как к живому существу и называл ее ласково: «Маша».

Машина ему нужна была исключительно для его писательской работы. Ведь с ростом городов нетронутая природа все отдалялась, а вышагивать по многу километров для свидания с ней, как в молодости, он – старый охотник и ходок – уже был не в силах. Вот почему Михаил Михайлович называл свой ключик от машины «ключом счастья и свободы». Он носил его всегда в кармане на металлической цепочке, вынимал, позвякивал им и говорил нам:

– Какое это великое счастье – иметь возможность в любой час нащупать ключик в кармане, подойти к гаражу, самому сесть за руль и укатить куда-нибудь в лес и там карандашиком в книжке отмечать ход своих мыслей.

Летом машина стояла на даче, в деревне Дунино под Москвой. Михаил Михайлович вставал очень рано, часто с восходом солнца, и сразу садился со свежими силами за работу. Когда в доме начиналась жизнь, он, по его словам уже «отписавшись», выходил в сад, заводил там свой «Москвич», рядом садилась Жалька, ставилась большая корзина для грибов. Три условных гудка: «Прощайте, прощайте, прощайте!» – и машина катит в леса, на многие километры уходящие от нашего Дунина в сторону, противоположную Москве. К обеду она вернется.

Однако бывало и так, что часы проходят за часами, а «Москвича» все нет. Соседи, друзья сходятся у нашей калитки, начинаются тревожные предположения, и вот уже целая бригада собирается идти на поиски и выручку... Но тут раздается знакомый короткий гудок: «Здравствуйте!» И машина подкатывает.

Михаил Михайлович выходит из нее усталый, на нем следы земли, видно, где-то пришлось лежать на дороге. Лицо потное и запыленное. Михаил Михайлович несет на ремешке через плечо корзину грибов, делая вид, что ему очень тяжело – до того она полна. Лукаво поблескивают из-под очков неизменно серьезные зеленовато-серые глаза. Сверху, все прикрывая, лежит в корзине огромный боровик. Мы ахаем: «Белые!» Мы готовы сейчас всему радоваться от души, успокоенные тем, что Михаил Михайлович вернулся и все кончилось благополучно.

Михаил Михайлович садится с нами на скамейку, снимает шапку, вытирает лоб и великодушно сознается, что белых грибов всего лишь один, а под ним всякая незначительная мелочь вроде сыроежек – и смотреть не стоит, но зато, поглядите, какой гриб ему посчастливилось встретить! А ведь без белого, хотя бы одного, мог ли он вернуться? К тому же, оказывается, машина на лесной вязкой дороге села на пень, пришлось лежа выпиливать этот пень под днищем машины, а это не скоро и нелегко. И не все же пилить и пилить – в промежутках сидел на пнях и записывал приходившие мысли в книжечку.

Михаил Михайлович начинает читать полюбившуюся ему новую запись, и мы забываем весь мучительный день тревог и ожиданий.

Жалька, видимо, разделяла все переживания своего хозяина, у нее довольный, но все же усталый и какой-то помятый вид. Рассказать она сама ничего не может, но Михаил Михайлович рассказывает нам за нее:

– Запер машину, оставил для Жальки только форточку. Я хотел, чтобы она отдохнула. Но как только я скрылся из виду, Жалька начала выть и страдать ужасно. Что делать? Пока я думал, что делать, Жалька выдумала что-то свое. И вдруг является с извинениями, обнажая белые зубы улыбкой. Всем своим видом помятым и особенно этой улыбкой – весь нос на боку и все тряпки-губы, а зубы на виду – она как бы говорила: «Трудно было!» – «А что?» – спросил я. Опять у нее все тряпки набок и зубы на виду. Я понял: вылезла в форточку.

Так жили мы летом. А зимой машина стояла в холодном московском гараже. Михаил Михайлович не пользовался ею, предпочитая обычный городской транспорт. Она вместе со своим хозяином терпеливо пережидала зиму, чтобы как можно раньше весной вернуться в леса и поля.

Самой большой нашей радостью было идти куда-нибудь далеко вместе с Михаилом Михайловичем, только непременно вдвоем. Третий был бы помехой, потому что у нас был заключен договор: по дороге молчать и лишь изредка перекидываться словом.

Михаил Михайлович все время поглядывает по сторонам, что-то обдумывает, время от времени присаживаясь, записывает быстро карандашом в карманную книжку. Потом встанет, блеснет веселым своим и внимательным глазом – и опять мы зашагаем рядом по дороге.

Когда дома он прочтет тебе записанное – удивишься: мимо всего этого сам ты шел и видя – не видел и слыша – не слышал! Получалось так, будто Михаил Михайлович идет следом за тобой, собирает твое, утерянное от твоего невнимания, и теперь приносит тебе же его как подарок.

Мы всегда возвращались с наших прогулок нагруженные такими подарками.

Расскажу про один поход, а таких за жизнь с Михаилом Михайловичем было у нас очень много.

Шла Великая Отечественная война. Трудное это было время. Мы уехали из Москвы в глухие места Ярославской области, где Михаил Михайлович в прежние годы часто охотился и где оставалось у нас немало друзей.

Жили мы, как и все окружавшие нас люди, тем, что давала нам земля: что вырастим на своем огороде, что в лесу соберем. Иногда Михаилу Михайловичу удавалось подстрелить дичинку. Но и в этих условиях он неизменно с раннего утра брался за карандаш и бумагу.

В то утро собрались мы по одному делу в дальнюю деревню Хмельники километров за десять от нашей. Надо было выходить на заре, чтобы дотемна вернуться домой.

Я проснулась от его веселых слов:

– Посмотри, что в лесу делается! У лесовика – стирка.

– С утра за сказки! – ответила я недовольно: мне не хотелось еще подниматься.

– А ты посмотри, – повторил Михаил Михайлович.

Окно наше выходило прямо в лес. Солнце еще не выглянуло из-за края неба, но рассвет был виден сквозь прозрачный туман, в котором плавали деревья. На их зеленых ветках были развешаны во множестве какие-то легкие белые полотна. Казалось, действительно в лесу шла большая стирка, кто-то сушит все свои простыни и полотенца.

– И правда, у лесовика стирка! – воскликнула я, и весь сон мой убежал. Я сразу догадалась: это была обильная паутина, покрытая мельчайшими каплями тумана, еще не превратившегося в росу.

Мы быстро собрались, даже не попили чаю, решив его вскипятить по дороге, на привале.

Тем временем выглянуло солнце, оно послало свои лучи на землю, лучи проникли в густую чащу, осветили каждую ветку... И тут все переменялось: это были уже не простыни, а покрывала, расшитые алмазами. Туман осел и превратился в крупные капли росы, сверкающие как драгоценные камни.

Потом и алмазы высохли, и остались одни тончайшие кружева паучьих ловушек.

– Мне жаль, что стирка у лесовика – только сказка! – огорченно заметила я.

– Вот еще, зачем тебе эта сказка? – ответил Михаил Михайлович. – И без нее вокруг столько чудес! Хочешь – мы вместе будем их по пути замечать, только молчи, не мешай им показываться.

– Даже в болоте? – спросила я.

– Даже в болоте, – ответил Михаил Михайлович.

Мы шли уже открытыми местами, краем заболоченного берега нашей речки Вексы.

– Скорей бы выйти на лесную дорогу, какая может быть здесь сказка, – говорю я, с трудом вытаскивая ноги из вязкой торфяной земли. Каждый шаг – усилие.

– Давай отдохнем, – предлагает Михаил Михайлович и садится на корягу.

Но оказывается, это не мертвая коряга, это живой ствол наклоненной ивы – она лежит на берегу из-за слабого упора корней в жидкой болотистой почве и так – лежа – растет, и концы ее веток при каждом порыве ветра касаются воды.

Я тоже сажусь у самой воды и рассеянным глазом замечаю, что на всем пространстве под ивой река покрыта, как зеленым ковром, мелкой плавучей травой – ряской.

– Видишь? – таинственно спрашивает Михаил Михайлович. – Вот тебе первая сказка – про ряски: сколько их, и все разные; маленькие, а какие проворные... Собрались в большой зеленый стол возле ивы, и накопились здесь, и за иву все держатся. Течение отрывает кусочки, дробит их, и они, зелененькие, плывут, но другие пристают и накаплиются. Так вырастает зеленый стол. И на этом столе располагаются жить ракушки-башмачки. Но и башмачки здесь не одни, приглядишься: здесь собралось большое общество! Вон наездники – комары высокие. Где течение посильней, они стоят прямо на чистой воде, как на стеклянном полу стоят, расставили свои длинные ноги и несутся себе вниз вместе с водяной струей.

– Вода возле них часто искрится – отчего бы это?

– Наездники волну поднимают – это солнце играет в их мелкой волне.

– Велика ли волна от наездников?

– А их тысячи! Когда смотришь на их передвижение против солнца, то вся вода играет и покрывается от волны мелкими звездочками.

– А под рясками-то внизу что делается! – воскликнула я.

Там в воде сновали полчища крохотных мальков, доставая себе что-то полезное из-под рясок.

Тут я заметила на зеленом столе оконца вроде прорубей.

– Откуда они?

– Ты бы сама догадалась, – ответил мне Михаил Михайлович. – Это крупная рыба нос высунула – вот и остались оконца.

Мы простились со всем обществом под ивой, отправились дальше и скоро вышли на трясину – так называются у нас тростниковые заросли на зыбком месте, на болоте.

Туман уже поднялся над рекой, и показались мокрые сверкающие штыки тростников. В тишине на солнечном свете они стояли неподвижно.

Михаил Михайлович меня остановил и сказал шепотом:

– Замри теперь, и смотри на тростники, и жди событий.

Так мы стояли, время текло, и ничего не происходило...

Но вот одна тростинка шевельнулась, кто-то ее толкнул, и другая рядом, и еще, и пошло, и пошло...

– Что бы это было наверху? – спросила я. – Ветер, стрекоза?

– «Стрекоза»! – укоризненно посмотрел на меня Михаил Михайлович. – Это шмель тяжелый шевелит каждым цветком, а голубая стрекоза – только она может так сесть на водяную тростинку, что та и не шевельнется!

– Так что же это?

– Не ветер, не стрекоза – это была щука! – с торжеством открывает мне секрет Михаил Михайлович. – Я заметил, как она увидела нас и шарахнулась с такой силой, что было слышно, как стучала по тростникам, и видно, как наверху они шевелились по ходу рыбы. Но это были какие-то мгновенья, и ты их пропустила!

Мы шли теперь самыми глухими местами нашей трясины. Вдруг мы услышали крики, похожие отдаленно на звуки труб.

– Это журавли трубят, поднимаясь с ночевки, – сказал Михаил Михайлович.

Скоро мы их увидели, они летели над нами парой, низко и тяжело, над самыми тростниками, словно совершали какое-то большое трудное дело.

– Мечутся, трудятся – гнезда стеречь, птенцов кормить, враги повсюду... Вот зато и летят тяжело, а все-таки летят! Трудная жизнь у птицы, – задумчиво сказал Михаил Михайлович. – Я это понял, когда встретился раз с самим Хозяином тростников.

– С водяным? – покосилась я на Михаила Михайловича.

– Нет, это сказка про правду, – ответил он очень серьезно. – Она у меня записана.

Он вынул записную книжечку и стал читать глуховато, неторопливо, с остановками и раздумьями на паузах, как один только он умел читать свои записи и рассказы.

Он читал, будто беседовал сам с собой.

– *«Встреча с Хозяином тростников*, – начал он. – Мы шли с моей собакой краем трясины возле тростников, за полосой которых был лес. Шаги мои по болоту едва были слышны. Может быть, собака, бегая, пошумела тростниками, и одна по одной они передали шум и встревожили стерегущего своих молодок Хозяина тростников.

Он, потихоньку ступая, раздвинул тростники и выглянул в открытое болото... Я увидел перед собой в десяти шагах отвесно стоявшую среди тростников длинную шею журавля. Он, ожидая увидеть самое большое лисицу, посмотрел на меня, как если бы я посмотрел на тигра, смешался, спохватился, побежал, замахал и, наконец, медленно поднялся на воздух». Трудная жизнь, – повторил Михаил Михайлович и спрятал свою книжку в карман.

В это время опять трубанули журавли, и тут, пока мы слушали, а журавли трубили, перед нашими глазами шевельнулись тростники и любопытная водяная курочка вышла к воде и прислушалась, нас не замечая. Журавли еще крикнули, и она, маленькая, тоже крикнула по-своему...

– Я впервые понял этот звук! – сказал мне Михаил Михайлович, когда курочка исчезла в тростниках. – Она, маленькая, хотела крикнуть тоже как журавли, только для того хотела крикнуть, чтобы лучше солнце прославить. Ты заметь – на восходе все, кто как умеет, славят солнце!

Снова раздался знакомый трубный звук, но какой-то отдаленный.

– Это не наши, это на другом болоте гнездовые журавли, – сказал Михаил Михайлович. – Когда издали кричат, всегда кажется, будто у них там как-то совсем не по-нашему хорошо, интересно, и хочется поскорее к ним пойти поглядеть!

– Может, для того и наши к тем полетели? – спросила я.

Но на этот раз Михаил Михайлович ничего мне не ответил.

После мы долго шли и больше ничего с нами не случилось.

Правда, еще один раз над нами показались в полете длинноногие крупные птицы, я узнала: это были цапли. Видно было по их полету – они не из здешнего болота: они летели откуда-то издалека, высоко, деловито, стремительно и всё прямо, прямо...

– Будто какие межевика воздушные взялись пополам весь земной шар разделить, – сказал Михаил Михайлович и долго следил за их полетом, запрокинув голову и улыбаясь.

Тут вскоре кончились тростники, и мы вышли на совсем высокий сухой берег над рекой, где Бекса делала крутой изгиб, и в этом изгибе чистая вода на солнечном свету вся была покрыта ковром водяных лилий. Желтые во множестве раскрыли свои венчики навстречу солнцу, белые стояли в плотных бутонах.

– Я читала у тебя в книжке: «Желтые лилии раскрыты с самого восхода солнца, белые раскрываются часов в десять. Когда все белые распустятся, на реке начинается бал». Это правда, что в десять? И почему бал? Может быть, ты это придумал, как про стирку лесовика?

– Давай разведем здесь костер, вскипятим чайку и закусим, – вместо ответа сказал мне Михаил Михайлович. – А как солнце подымется, в самый жар мы уже будем в лесу, он недалеко.

Мы натаскали хворосту, веток, устроили сиденье, повесили над костром котелок... Потом Михаил Михайлович стал записывать в свою книжку, а я незаметно для себя задремала.

Когда я проснулась, солнце прошло по небу уже порядочный путь. Белые лилии раскинули широко свои лепестки и, как дамы в кринолинах, танцевали на волнах с кавалерами в желтом под музыку быстро бегущей реки; волны под ними переливались на солнце тоже как музыка.

В воздухе над лилиями танцевали разноцветные стрекозы.

На берегу в траве танцевали трескунцы – кузнечики, голубые и красные, взлетающие вверх, как пожарные искры. Красных было больше, но, может быть, нам так показалось от жарких солнечных бликов в глазах.

Все двигалось, переливалось вокруг нас и благоухало.

Михаил Михайлович молча протянул мне часы: на них было половина одиннадцатого.

– Открытие бала ты проспала! – сказал он.

Жара нам была уже не страшна: мы вошли в лес и углубились по дороге. Она давным-давно когда-то была уложена кругляком: это люди сделали для подвоза дров к сплавной речке. Они вырыли две канавы, наложили между ними тонких стволов деревьев один к одному, как паркет. Потом дрова вывезли, а дорогу забыли. И лежит себе круглячок годами, гниет...

Теперь по осушенным бровкам встал высокий красавец иван-чай и тоже высокая пышная красавица медуница. Мы шли осторожно, чтоб их не помять.

Вдруг Михаил Михайлович схватил меня за руку и сделал знак молчанья: шагах в двадцати от нас по теплему круглячку между иван-чаем и медуницей разгуливала большая птица в переливчато-темном оперенье с ярко-красными бровями. Это был глухарь. Он темной тучей поднялся в воздух и с шумом скрылся между деревьями. В полете он показался мне огромным.

– Глухарина аллея! Делали для дров, а пригодилось птицам, – сказал Михаил Михайлович.

С тех пор мы так и зовем эту лесную дорогу на Хмельники «глухариной аллеей».

Еще нам попались на ней два забытых кем-то штабеля березовых дров. От времени штабели стали подгнивать и кланяться друг другу, несмотря на распорки, между ними когда-то поставленные... А рядом гнили их пни. Эти пни напоминали нам, что когда-то росли дрова прекрасными деревьями. Но вот пришли люди, срубили и забыли, и гниют теперь бесполезно и деревья и пни...

– Может быть, война помешала вывезти? – спросила я.

– Нет, это случилось много раньше. Еще какая-то другая беда людям помешала, – ответил Михаил Михайлович.

Мы с невольным сочувствием смотрели на штабели.

– Стоят они теперь сами будто люди, – сказал Михаил Михайлович, – склонились висками друг к другу...

Между тем вокруг штабелей кипела уже новая жизнь: внизу паутинками соединили их пауки и по распоркам перебегали трясогузки...

– Посмотри, – сказал Михаил Михайлович, – между ними растет молодой березовый подлесок. Он успел перешагнуть их высоту! Знаешь, откуда у этих молодых березок такая сила роста? – спросил он меня и сам ответил: – Это березовые дрова, сгнивая, дают вокруг себя такую буйную силу. Так вот, – заключил он, – дрова вышли из леса и в лес возвращаются.

И мы весело простились с лесом, выходя к деревне, куда держали свой путь.

На этом бы и можно закончить свой рассказ о нашем походе в то утро. Только еще несколько слов об одной березке: мы заметили ее, подходя к деревне, – молодую, в рост человека, похожую на девочку в зеленом платье. На головке ее был один желтый лист, хотя еще стояла середина лета.

Михаил Михайлович посмотрел на березку и что-то записал в книжку.

– Что ты записал?

Он мне прочел:

– «Видел Снегурочку в лесу: одна сережка у нее из золотого листика, а другая еще зеленая».

И это был в тот раз его последний мне подарок.

Писателем Пришвин сделался так: в молодые годы – давно это было, полвека назад, – он обошел пешком весь Север с охотничьим ружьем за плечами и написал об этом своем путешествии книжку. Был тогда наш Север диким, людей было там мало, птицы и звери жили, не пуганные человеком. Так и назвал он свою первую книжку – «В краю непуганых птиц». На северных озерах тогда плавали дикие лебеди. А когда много лет спустя Пришвин снова приехал на Север, знакомые озера были соединены Беломорским каналом, и по ним уже не лебеди плавали, а наши советские пароходы; много за долгую жизнь видел Пришвин на родине своей перемен.

Есть одна старинная сказка, она начинается так: «Бабушка взяла крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела, набрала муки пригоршни две и сделала веселый колобок. Он полежал-полежал, да вдруг и покатился – с окна на лавку, с лавки на пол, по полу да к дверям, перепрыгнул через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца во двор да за ворота – дальше, дальше...»

Михаил Михайлович к этой сказке приделал свой конец, будто за этим колобком сам он, Пришвин, пошел по белу свету, по лесным тропам и берегам рек, и моря, и океана – все шел и шел за колобком. Так и новую книжку свою он назвал – «Колобок». Впоследствии тот же волшебный колобок привел писателя на юг, в азиатские степи, и на Дальний Восток.

О степях есть у Пришвина повесть «Черный Араб», о Дальнем Востоке – повесть «Жень-Шень». Эта повесть переведена на все основные языки народов земного шара.

Из края в край обежал колобок нашу богатую родину и, когда все осмотрел, стал кружиться возле Москвы, по берегам маленьких речек – тут была и какая-то речка Вертушинка, и Невестинка, и Сестра, и какие-то безымянные озерки, названные Пришвиным «глазами земли». Тут-то, в этих близких нам всем местах, колобок открыл своему другу, пожалуй, еще больше чудес.

О среднерусской природе широко известны его книги: «Календарь природы», «Лесная капель», «Глаза земли».

Михаил Михайлович не только детский писатель – книги свои он писал для всех, но с одинаковым интересом читают их и дети. Писал он только о том, что сам видел и сам пережил в природе.

Так, например, чтобы описать, как происходит весенний разлив рек, Михаил Михайлович строит себе из обыкновенного грузовика фанерный домик на колесах, берет с собой резиновую складную лодку, ружье и все, что нужно для одинокой жизни в лесу, отправляется на

места разлива реки нашей – Волги и там наблюдает, как спасаются от заливающей сушу воды самые крупные звери – лоси и самые маленькие – водяные крысы и землеройки.

Так проходят дни: за костром, охотой, с удочкой, фотоаппаратом. Весна движется, земля начинает обсыхать, показывается трава, деревья зеленеют. Проходит лето, потом осень, наконец летят белые мухи, и мороз начинает мостить дорогу в обратный путь. Тогда Михаил Михайлович возвращается к нам с новыми рассказами.

Все мы знаем и деревья в наших лесах, и цветы на лугах, и птиц, и разных зверушек. Но Пришвин поглядел на них своим особым зорким глазом и увидел такое, что нам и невдомек.

«Оттого лес называется темным, – пишет Пришвин, – что солнце смотрит в него, как сквозь узкое оконце, и не все видит, что совершается в лесу».

Даже солнце не все замечает! А художник узнаёт тайны природы и радуется, их открывая.

Вот он нашел в лесу удивительную берестяную трубочку, в которой оказалась кладовая какого-то трудолюбивого зверька.

Вот он побывал на именинах осинки – и мы подышали вместе с ним радостью весеннего расцвета.

Вот он подслушал песню совсем незаметной маленькой птички на самом верхнем пальчике елки – теперь он знает, о чем они все свистят, шепчутся, шелестят и поют!

Так катится и катится колобок по земле, сказочник идет за своим колобком, и мы идем вместе с ним и узнаём бесчисленных маленьких родственников в нашем общем Доме природы, учимся любить свою родную землю и понимать ее красоту.

В. Пришвина

Кладовая солнца *Сказка-быль*

I

В одном селе, возле Блудова болота, в районе города Переславль-Залесского, осиротели двое детей. Их мать умерла от болезни, отец погиб на Отечественной войне.

Мы жили в этом селе всего только через один дом от детей. И, конечно, мы тоже вместе с другими соседями старались помочь им, чем только могли. Они были очень милые. Настя была как золотая курочка на высоких ногах. Волосы у нее, ни темные, ни светлые, отливали золотом, веснушки по всему лицу были крупные, как золотые монетки, и частые, и тесно им было, и лезли они во все стороны. Только носик один был чистенький и глядел вверх попугайчиком.

Митраша был моложе сестры на два года. Ему было всего только десять лет с хвостиком. Он был коротенький, но очень плотный, лобастый, затылок широкий. Это был мальчик упрямый и сильный.

«Мужичок в мешочке», улыбаясь, называли его между собой учителя в школе.

Мужичок в мешочке, как и Настя, был весь в золотых веснушках, а носик его чистенький тоже, как у сестры, глядел вверх попугайчиком.

После родителей все их крестьянское хозяйство досталось детям: изба пятистенная, корова Зорька, телушка Дочка, коза Дереза, безыменные овцы, куры, золотой петух Петя и поросенок Хрен.

Вместе с этим богатством досталась, однако, детишкам бедным и большая забота о всех этих живых существах. Но с такой ли бедой справлялись наши дети в тяжкие годы Отечественной войны! Вначале, как мы уже говорили, детям приходили помогать их дальние родственники и все мы, соседи. Но очень что-то скоро умненькие дружные ребята сами всему научились и стали жить хорошо.

И какие это были умные детишки! Если только возможно было, они присоединялись к общественной работе. Их носики можно было видеть на колхозных полях, на лугах, на скотном дворе, на собраниях, в противотанковых рвах: носики такие задорные.

В этом селе мы, хотя и приезжие люди, знали хорошо жизнь каждого дома. И теперь можем сказать: не было ни одного дома, где бы жили и работали так дружно, как жили наши любимцы.

Точно так же, как и покойная мать, Настя вставала далеко до солнца, в предрассветный час, по трубе пастуха. С хворостиной в руке выгоняла она свое любимое стадо и катилась обратно в избу. Не ложась уже больше спать, она растопляла печь, чистила картошку, заправляла обед и так хлопотала по хозяйству до ночи.

Митраша выучился у отца делать деревянную посуду, бочонки, шайки, лоханки. У него есть фуганок, ладило¹ длиной больше чем в два его роста. И этим ладелом он подгоняет дощечки одну к одной, складывает и обдерживает железными или деревянными обручами.

При корове двум детям не было такой уж нужды, чтобы продавать на рынке деревянную посуду, но добрые люди просят, кому – шайку на умывальник, кому нужен под капли бочонек, кому – кадушечку солить огурцы или грибы, или даже простую посудинку с зубчиками – домашний цветок посадить.

Сделает, и потом ему тоже оплатят добром. Но, кроме бондарства, на нем лежит и все мужское хозяйство и общественное дело. Он бывает на всех собраниях, старается понять общественные заботы и, наверное, что-то смекает.

Очень хорошо, что Настя постарше брата на два года, а то бы он непременно зазнался и в дружбе у них не было бы, как теперь, прекрасного равенства. Бывает, и теперь Митраша вспомнит, как отец наставлял его мать, и вздумает, подражая отцу, тоже учить свою сестру Настю. Но сестренка мало слушается, стоит и улыбается... Тогда Мужичок в мешочке начинает злиться и хорохориться и всегда говорит, задрав нос:

– Вот еще!

– Да чего ты хорохоришься? – возражает сестра.

– Вот еще! – сердится брат. – Ты, Настя, сама хорохоришься.

– Нет, это ты!

– Вот еще!

Так, помучив строптивного брата, Настя оглаживает его по затылку, и, как только маленькая ручка сестры коснется широкого затылка брата, отцовский задор покидает хозяина.

– Давай-ка вместе полоть! – скажет сестра.

И брат тоже начинает полоть огурцы, или свеклу мотыжить, или картошку сажать.

Да, очень, очень трудно было всем во время Отечественной войны, так трудно, что, наверно, и на всем свете так никогда не бывало. Вот и детям пришлось хлебнуть много всяких забот, неудач, огорчений. Но их дружба перемогла все, они жили хорошо. И мы опять можем твердо сказать: во всем селе ни у кого не было такой дружбы, как жили между собой Митраша и Настя Веселкины. И думаем, наверное, это горе о родителях так тесно соединило сирот.

---

¹ Ладило – бондарный инструмент Переславского района Ивановской области. (Здесь и далее примеч. М. М. Пришвина.)

II

Кислая и очень полезная для здоровья ягода клюква растет в болотах летом, а собирают ее поздней осенью. Но не все знают, что самая-самая хорошая клюква, *сладкая*, как у нас говорят, бывает, когда она перележит зиму под снегом. Эту весеннюю темно-красную клюкву парят у нас в горшках вместе со свеклой и пьют чай с ней, как с сахаром. У кого же нет сахарной свеклы, то пьют чай и с одной клюквой. Мы это сами пробовали – и ничего, пить можно: кислое заменяет сладкое и очень даже хорошо в жаркие дни. А какой замечательный кисель получается из сладкой клюквы, какой морс! И еще в народе у нас считают эту клюкву целебным лекарством от всех болезней.

Этой весной снег в густых ельниках еще держался и в конце апреля, но в болотах всегда бывает много теплее – там в это время снега уже не было вовсе. Узнав об этом от людей, Митраша и Настя стали собираться за клюквой. Еще до свету Настя задала корм всем своим животным. Митраша взял отцовское двуствольное ружье «Тулку», манки на рябчиков и не забыл тоже и компас. Никогда, бывало, отец его, отправляясь в лес, не забудет этого компаса. Не раз Митраша спрашивал отца:

– Всю жизнь ты ходишь по лесу, и тебе лес известен весь, как ладонь. Зачем же тебе еще нужна эта стрелка?

– Видишь, Дмитрий Павлович, – отвечал отец, – в лесу эта стрелка тебе добрей матери: бывает, небо закроется тучами, и по солнцу в лесу ты определить не можешь, пойдешь наугад – ошибешься, заблудишься, заголодаешь. Вот тогда взгляни только на стрелку, и она укажет тебе, где твой дом. Пойдешь прямо по стрелке домой, и тебя там покормят. Стрелка эта тебе верней друга: бывает, друг твой изменит тебе, а стрелка неизменно всегда, как ее ни верти, все на север глядит.

Осмотрев чудесную вещь, Митраша запер компас, чтобы стрелка в пути зря не дрожала. Он хорошо, по-отцовски, обернул вокруг ног портянки, вправил в сапоги, картузик надел такой старый, что козырек его разделился надвое: верхняя кожаная корочка задралась выше солнца, а нижняя спускалась почти до самого носика. Оделся же Митраша в отцовскую старую куртку, вернее же в воротник, соединяющий полосы когда-то хорошей домотканой материи. На животике своем мальчик связал эти полосы кушаком, и отцовская куртка села на нем, как пальто, до самой земли. Еще сын охотника заткнул за пояс топор, сумку с компасом повесил на правое плечо, двуствольную «Тулку» – на левое и так сделался ужасно страшным для всех птиц и зверей.

Настя, начиная собираться, повесила себе через плечо на полотенце большую корзину.

– Зачем тебе полотенце? – спросил Митраша.

– А как же, – ответила Настя, – ты разве не помнишь, как мама за грибами ходила?

– За грибами! Много ты понимаешь: грибов бывает много, так плечо режет.

– А клюквы, может быть, у нас еще больше будет.

И только хотел сказать Митраша свое «вот еще», вспомнилось ему, как отец о клюкве сказал, еще когда собирали его на войну.

– Ты это помнишь, – сказал Митраша сестре, – как отец нам говорил о клюкве, что есть палестинка² в лесу...

– Помню, – ответила Настя, – о клюкве говорил, что знает местечко и клюква там осыпчая, но что он о какой-то палестинке говорил, я не знаю. Еще помню, говорил про страшное место Слепую елань³.

– Вот там, возле елани, и есть палестинка, – сказал Митраша. – Отец говорил: идите на Высокую гриву и после того держите на север и, когда перевалите через Звонкую борину, держите все прямо на север и увидите – там придет вам палестинка, вся красная, как кровь, от одной только клюквы. На этой палестинке еще никто не бывал!

Митраша говорил это уже в дверях. Настя во время рассказа вспомнила: у нее от вчерашнего дня остался целый, нетронутый чугунок вареной картошки. Забыв о палестинке, она тихонечко шмыгнула к загнетке и опрокинула в корзинку весь чугунок.

«Может быть, еще и заблудимся, – подумала она. – Хлеба у нас взято довольно, есть бутылка молока, и картошка, может быть, тоже пригодится».

А брат в это время, думая, что сестра все стоит за его спиной, рассказывал ей о чудесной палестинке и что, правда, на пути к ней есть Слепая елань, где много погибло и людей, и коров, и коней.

– Ну, так что это за палестинка? – спросила Настя.

– Так ты ничего не слыхала?! – схватился он.

И терпеливо повторил ей уже на ходу все, что слышал от отца о не известной никому палестинке, где растет сладкая клюква.

---

² П а л е с т и н к о й называют в народе какое-нибудь отменно приятное местечко в лесу.

³ Е л а н ь – топкое место в болоте, все равно что прорубь на льду.

III

Блудово болото, где и мы сами не раз тоже блуждали, начиналось, как почти всегда начинается большое болото, непроходимую зарослью ивы, ольхи и других кустарников. Первый человек прошел эту *приболотицу* с топором в руке и вырубил проход для других людей. Под ногами человеческими после осели кочки, и тропа стала канавкой, по которой струилась вода. Дети без особого труда перешли эту приболотицу в предраcсветной темноте. И когда кустарники перестали заслонять вид впереди, при первом утреннем свете им открылось болото, как море. А впрочем, оно же и было, это Блудово болото, дном древнего моря. И как там, в настоящем море, бывают острова, как в пустынях – оазисы, так и в болотах бывают холмы. У нас в Блудовом болоте эти холмы песчаные, покрытые высоким бором, называются боринами. Пройдя немного болотом, дети поднялись на первую борину, известную под названием Высокая грива. Отсюда, с высокой пролысинки, в серой дымке первого рассвета чуть виднелась борина Звонкая.

Еще не доходя до Звонкой борины, почти возле самой тропы, стали показываться отдельные кроваво-красные ягоды. Охотники за клюквой поначалу клали эти ягоды в рот. Кто не пробовал в жизни своей осеннюю клюкву и сразу бы хватил весенней, у него бы дух захватило от кислоты. Но деревенские сироты знали хорошо, что такое осенняя клюква, и оттого когда теперь ели весеннюю, то повторяли:

– Какая сладкая!

Борина Звонкая охотно открыла детям свою широкую просеку, покрытую и теперь, в апреле, темно-зеленой брусничной травой. Среди этой зелени прошлого года кое-где виднелись новые цветочки белого подснежника и лиловые, мелкие, и ароматные цветочки волчьего лыка.

– Они хорошо пахнут, попробуй сорви цветочек волчьего лыка, – сказал Митраша.

Настя попробовала надломить прутик стебелька и никак не могла.

– А почему это лыко называется волчьим? – спросила она.

– Отец говорил, – ответил брат, – волки из него себе корзинки плетут.

И засмеялся.

– А разве тут есть еще волки?

– Ну как же! Отец говорил, тут есть страшный волк, Серый помещик.

– Помню: тот самый, что порезал перед войной наше стадо.

– Отец говорил: он живет теперь на Сухой речке, в завалах.

– Нас с тобой он не тронет?

– Пусть попробует! – ответил охотник с двойным козырьком.

Борина Звонкая охотно открыла детям свою широкую просеку.

Пока дети так говорили и утро подвигалось все больше к рассвету, борина Звонкая наполнилась птичьими песнями, воем, стоном и криком зверьков. Не все они были тут, на борине, но с болота, сырого, глухого, все звуки собирались сюда. Борина с лесом, сосновым и звонким на суходоле, отзывалась всему.

Но бедные птички и зверушки, как мучились все они, стараясь выговорить какое-то общее всем, единое прекрасное слово! И даже дети, такие простые, как Настя с Митрашей, понимали их усилие. Им всем хотелось сказать одно только какое-то слово прекрасное.

Видно, как птица поет на сучке и каждое перышко дрожит у нее от усилия. Но все-таки слова, как мы, они сказать не могут, и им приходится выпевать, выкрикивать, выстукивать.

– Тэк-тэк! – чуть слышно постукивает огромная птица Глухарь в темном лесу.

– Шварк-шварк! – Дикий Селезень в воздухе пролетел над речкой.

– Кряк-кряк! – дикая утка Кряква на озере.

– Гу-гу-гу! – красная птичка Снегирь на березе.

Бекас, небольшая серая птичка с носом длинным, как сплюснутая шпилька, раскатывается в воздухе диким барашком. Вроде как бы «жив, жив!» кричит большой кулик Кроншнеп. Тетерев там где-то бормочет и чуфыкает. Белая Куропатка, как будто ведьма, хохочет.

Мы, охотники, давно, с детства своего, слышим эти звуки, и знаем их, и различаем, и радуемся, и хорошо понимаем, над каким словом все они трудятся и не могут сказать. Вот почему мы, когда придем в лес на рассвете и услышим, так и скажем им, как людям, это слово:

– Здравствуйте!

И как будто они тогда тоже обрадуются, как будто тогда они тоже все подхватят чудесное слово, слетевшее с языка человеческого.

И закрывают в ответ, и зачуфыкают, и затэтэкают, и зашваркают, стараясь всеми голосами этими ответить нам:

– Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте!

Но вот среди всех этих звуков вырвался один, ни на что не похожий.

– Ты слышишь? – спросил Митраша.
– Как же не слышать! – ответила Настя. – Давно слышу, и как-то страшно.
– Ничего нет страшного! Мне отец говорил и показывал: это так весной заяц кричит.
– А зачем так?
– Отец говорил, он кричит: «Здравствуй, зайчиха!»
– А это что ухает?
– Отец говорил, это ухает Выпь, бык водяной.
– И чего он ухает?
– Отец говорил, у него есть тоже своя подруга, и он ей по-своему тоже так говорит, как и все: «Здравствуй, Выпиха!»

И вдруг стало свежо и бодро, как будто вся земля сразу умылась, и небо засветилось, и все деревья запахло корой своей и почками. Вот тогда, как будто над всеми звуками вырвался, вылетел и все покрыл собою торжествующий крик, похожий, как если бы все люди радостно, в стройном согласии могли закричать:

– Победа, победа!
– Что это? – спросила обрадованная Настя.
– Отец говорил, это так журавли солнце встречают. Это значит, что скоро солнце взойдет.

Но солнце еще не взошло, когда охотники за сладкой клюквой спустились в большое болото. Тут еще совсем и не начиналось торжество встречи солнца. Над маленькими корявыми елочками и березками серой мглой висело ночное одеяло и глушило все чудесные звуки Звонкой борины. Только слышался тут тягостный, щемящий и нерадостный вой.

Настенька вся сжалась от холода, и в болотной сырости пахнул на нее резкий, одурачивающий запах багульника. Маленькой и слабой почувствовала себя Золотая Курочка на высоких ножках перед этой какой-то неминуемой силой гибели.

– Что это, Митраша, – спросила Настенька, ежась, – так страшно воет вдаль?
– Отец говорил, – ответил Митраша, – это воют на Сухой речке волки, и, наверное, сейчас это воет волк Серый помещик. Отец говорил, что все волки на Сухой речке убиты, но Серого убить невозможно.

– Так отчего же он так страшно воет теперь?
– Отец говорил, волки воют весной оттого, что им есть теперь нечего. А Серый еще остался один, вот и воет.

Болотная сырость, казалось, проникала сквозь тело к костям и студила их. И так не хотелось еще ниже спускаться в сырое, топкое болото!

– Мы куда же пойдем? – спросила Настя.

Митраша вынул компас, установил север и, указывая на более слабую тропу, идущую на север, сказал:

– Мы пойдем на север по этой тропе.

– Нет, – ответила Настя, – мы пойдем вот по этой большой тропе, куда все люди идут. Отец нам рассказывал, помнишь, какое это страшное место – Слепая елань, сколько погибло в нем людей и скота. Нет, нет, Митрашенька, не пойдем туда. Все идут в эту сторону, – значит, там и клюква растет.

– Много ты понимаешь! – оборвал ее охотник. – Мы пойдем на север, как отец говорил, там есть палестинка, где еще никто не бывал.

Настя, заметив, что брат начинает сердиться, вдруг улыбнулась и погладила его по затылку. Митраша сразу успокоился, и друзья пошли по тропе, указанной стрелкой, теперь уже не рядом, как раньше, а друг за другом, гуськом.

IV

Лет двести тому назад ветер-сеятель принес два семечка в Блудово болото: семя сосны и семя ели. Оба семечка легли в одну ямку возле большого плоского камня... С тех пор уже лет, может быть, двести эти ель и сосна вместе растут. Их корни с малолетства сплелись, их стволы тянулись вверх рядом к свету, стараясь обогнать друг друга. Деревья разных пород ужасно боролись между собой корнями за питание, сучьями – за воздух и свет. Поднимаясь все выше, толстая стволами, они впивались сухими сучьями в живые стволы и местами насквозь прокололи друг друга. Злой ветер, устроив деревьям такую несчастную жизнь, прилетал сюда иногда покачать их. И тогда деревья стонали и выли на все Блудово болото, как живые существа. До того это было похоже на стон и вой живых существ, что лисичка, свернутая на моховой кочке в клубочек, поднимала вверх свою острую мордочку. До того близок был живым существам этот стон и вой сосны и ели, что одичавшая собака в Блудовом болоте, услышав его, выла от тоски по человеку, а волк выл от неизбывной злобы к нему.

Сюда, к Лежащему камню, пришли дети в то самое время, когда первые лучи солнца, пролетев над низенькими корявыми болотными елочками и березками, осветили Звонкую борину и могучие стволы соснового бора стали как зажженные свечи великого храма природы. Оттуда сюда, к этому плоскому камню, где сели отдохнуть дети, слабо долетало пение птиц, посвященное восходу великого солнца. И светлые лучи, пролетающие над головами детей, еще не грели. Болотная земля была вся в ознобе, мелкие лужицы покрылись белым ледком.

Было совсем тихо в природе, и дети, озябшие, до того были тихи, что тетерев Косач не обратил на них никакого внимания. Он сел на самом верху, где сук сосны и сук ели сложились как мостик между двумя деревьями. Устроившись на этом мостике, для него довольно широко, ближе к ели, Косач как будто стал расцветать в лучах восходящего солнца. На голове его гребешок загорелся огненным цветком. Синяя в глубине черного грудь его стала переливать из синего на зеленое. И особенно красив стал его радужный, раскинутый лирой хвост. Завидев солнце над болотными жалкими елочками, он вдруг подпрыгнул на своем высоком мостике, показал свое белое чистейшее белье подхвостья, подкрылья и крикнул:

– Чуф! Ши!

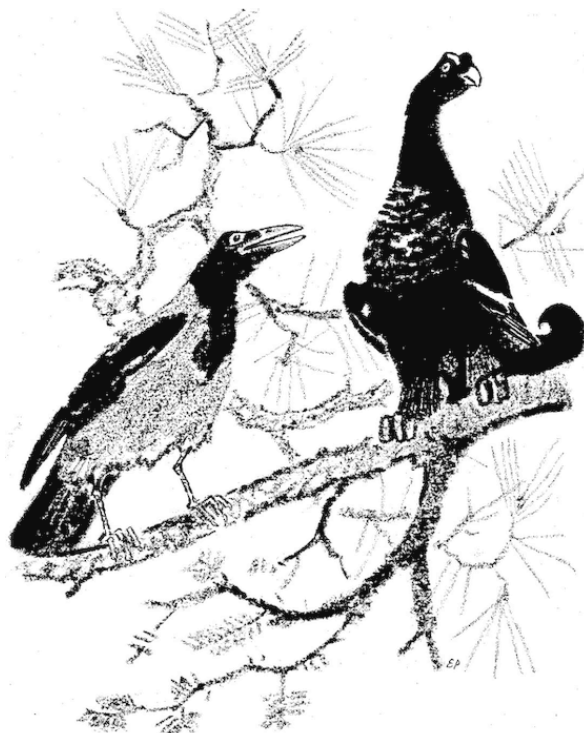
По-тетеревиному «чуф», скорее всего, значило «солнце», а «ши», вероятно, было у них наше «здравствуй».

В ответ на это первое чуфыканье Косача-токовика далеко по всему болоту раздалось такое же чуфыканье с хлопаньем крыльев, и вскоре со всех сторон сюда стали прилетать и садиться вблизи Лежащего камня десятки больших птиц, как две капли воды похожих на Косача.

Затаив дыхание сидели дети на холодном камне, дожидаясь, когда и к ним придут лучи солнца и обогреют их хоть немного. И вот первый луч, скользнув по верхушкам ближайших, очень маленьких елочек, наконец-то заиграл на щеках у детей. Тогда верхний Косач, приветствуя солнце, перестал подпрыгивать и чуфыкать. Он присел низко на мостике у вершины елки,

вытянул свою длинную шею вдоль сука и завел долгую, похожую на журчание ручейка песню. В ответ ему тут где-то вблизи сидящие на земле десятки таких же птиц, тоже каждый петух, вытянув шею, затянули ту же самую песню. И тогда как будто довольно уже большой ручей с бормотаньем побежал по невидимым камешкам.

Сколько раз мы, охотники, выждав темное утро, на зябкой заре с трепетом слушали это пение, стараясь по-своему понять, о чем поют петухи. И когда мы по-своему повторяли их бормотанья, то у нас выходило:

Круты перья,
Ур-гур-гу,
Круты перья,
Обор-ву, оборву.

Так бормотали дружно тетерева, собираясь в то же время подраться. И когда они так бормотали, случилось небольшое событие в глубине еловой густой кроны. Там сидела на гнезде ворона и все время таилась там от Косача, токующего почти возле самого гнезда. Ворона очень бы желала прогнать Косача, но она боялась оставить гнездо и остудить на утреннем морозе яйца. Стерегающий гнездо ворона-самец в это время делал свой облет и, наверно, встретив что-нибудь подозрительное, задержался. Ворона в ожидании самца залегла в гнезде, была тише воды, ниже травы. И вдруг, увидев летящего обратно самца, крикнула свое:

– Кра!

Это значило у нее:

«Выручай!»

– Кра! – ответил самец в сторону тока, в том смысле, что еще неизвестно, кто кому оборвет круты перья.

Самец, сразу поняв, в чем тут дело, спустился и сел на тот же мостик, возле елки, у самого гнезда, где Косач токовал, только поближе к сосне, и стал выжидать.

Косач в это время, не обращая на самца вороны никакого внимания, выкликнул свое, известное всем охотникам:

– Кар-кер-кекс!

И это было сигналом ко всеобщей драке всех токующих петухов. Ну и полетели во все стороны круты перья! И тут, как будто по тому же сигналу, ворона-самец мелкими шагами по мостику незаметно стал подбираться к Косачу.

Неподвижные, как изваяния, сидели на камне охотники за сладкой клюквой. Солнце, такое горячее и чистое, вышло против них над болотными елочками. Но случилось на небе в это время одно облако. Оно явилось как холодная синяя стрелка и пересекло собой пополам восходящее солнце. В то же время вдруг ветер рванул, елка нажала на сосну, и сосна просто-накала. Ветер рванул еще раз, и тогда нажала сосна, и ель зарычала.

В это время, отдохнув на камне и согревшись в лучах солнца, Настя с Митрашей встали, чтобы продолжать дальше свой путь. Но у самого камня довольно широкая болотная тропа расходилась вилкой: одна, хорошая, плотная, тропа шла направо, другая, слабенькая, – прямо.

Проверив по компасу направление троп, Митраша, указывая на слабую тропу, сказал:

– Нам надо по этой на север.

– Это не тропа! – ответила Настя.

– Вот еще! – рассердился Митраша. – Люди шли, – значит, тропа. Нам надо на север. Идем, и не разговаривай больше.

Насте было обидно подчиниться младшему Митраше.

– Кра! – крикнула в это время ворона в гнезде.

И ее самец мелкими шажками перебежал ближе к Косачу на полмостика.

Вторая круто-синяя стрелка пересекла солнце, и сверху стала надвигаться серая хмарь. Золотая Курочка собралась с силами и попробовала уговорить своего друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.